

Глава 16. Омытые весенней росой цветы под луной, или каков ныне новобрачный

Евнух Фэн Кунь, старший распорядитель дворца Вечного Покоя, провел в запретных стенах более тридцати лет. Он преданно прислуживал вдовствующей императрице еще в пору ее юности, когда та звалась лишь наложницей Дуань, и за долгие годы госпожа прониклась к своему слуге глубоким доверием. Едва император Юйчэн вззошел на престол, принц Чжуан, Чун Яньцзи, первым делом поднес наложнице Дуань высочайший титул вдовствующей императрицы. Разумеется, следом за хозяйкой возвысился и слуга. Фэн Кунь получил должность в Департаменте Императорского двора, и вскоре его слово в Запретном городе сделалось непреложным законом.

И Ван Юаньчэнь, и Фэн Кунь пользовались безграничным доверием своих повелителей. Каждый усердно правил свою службу, и хотя в обычные дни их пути не пересекались, втайне оба ревностно соперничали, не желая уступить первенство.

Завидев Фэн Куня, Ван Юаньчэнь мысленно выругался. Тот шел стремительно и напористо, расстояние между ними неумолимо сокращалось. Времени на раздумья не оставалось. Схватив за рукав ошивавшегося поблизости молодого слугу, Ван Юаньчэнь вполголоса спросил:

— Сяо Лу-цзы, знаешь, где на улице Делюн находится усадьба генерала?

Маленький евнух поспешно кивнул. Эту усадьбу великому генералу Фу Юаньтаю пожаловал еще покойный государь; место выбрали на улице Делюн нарочно, чтобы старому полководцу было сподручнее добираться до дворца по первому зову.

Ван Юаньчэнь сорвал с пояса резную слоновую кость — верительный знак дворцового распорядителя — и сунул в руку пареньку.

— Держи. Дуй в генеральскую усадьбу и зови сюда бакалавра-чтеца Фу. Живее!

Едва малый скрылся из виду, сжимая в кулаке костяную табличку, как в воротах двора у бокового зала Резонирующей Гармонии показалась коренастая фигура Фэн Куня. Ван Юаньчэнь замер на крыльце. Поначалу он порывался сойти на землю навстречу гостю, но вовремя спохватился. Обоим благоволили на самом верху, оба носили чины третьего ранга — так к чему принижать собственное достоинство услужливым поклоном?

Когда Фэн Кунь приблизился, Ван Юаньчэнь лишь едва заметно склонил голову. Тот же, не дойдя еще шага три, завел свою волюнку надтреснутым, похожим на утиное кряканье голосом:

— Евнух Ван.

Ван Юаньчэнь отозвался сухо и бесстрастно:

— Евнух Фэн.

Фэн Кунь пропустил холодность коллеги мимо ушей. Он лишь воровато вытянул шею, силясь заглянуть за тяжелые створки, и спросил:

— Государь внутри?

Ван Юаньчэнь прекрасно понимал, зачем явился этот стервятник. Наверняка пронюхал о ночных бесчинствах. Но показывать виду не следовало — лучше прикинуться дураком и тянуть время, сколько получится.

— Владыка десяти тысяч лет, разумеется, в своих покоях, — невозмутимо ответил он.

Фэн Кунь оглядел фасад зала Резонирующей Гармонии. Под карнизом уныло покачивались всего два скромных свадебных фонаря. Внутри здания — ни звука. Час Кролика уже миновал, небо над столицей подернулось блеклым утренним рассветом, но сквозь плотные шелковые рамы окон невозможно было разобрать, горит ли в покоях огонь. Ван Юаньчэню претила эта бесцеремонная слежка, но, не зная истинных намерений соперника, он сдерживал гнев.

— Евнух Ван, а когда его величество изволит откусать утреннюю трапезу? — вкрадчиво поинтересовался Фэн Кунь.

Ван Юаньчэнь мысленно усмехнулся. Старый лис просто выводывал, проснулся ли император, но напрямую спросить не решался, вот и зашел через трапезу. Стало быть, вдовствующая императрица пока не посылала его с прямым выговором. На душе у Ван Юаньчэня слегка отлегло.

Он слегка отвернулся, высокомерно прищурившись, и, коротко фыркнув, процедил:

— Евнух Фэн, мы с вами не первый день топчем эти плиты. Наше холопье дело — угождать да исполнять, а не решать за государя. Когда владыке десяти тысяч лет заблагорассудится потребовать стол, тогда и подадим. Или во дворце Вечного Покоя вдовствующая императрица садится трапезничать лишь тогда, когда вы ей прикажете?

Столь дерзкая отповедь заставила Фэн Куня побагроветь. На него глазели молодые евнухи, и стерпеть подобное унижение при подчиненных было невыносимо. С лица его мгновенно сползла напускная любезность. Природа и без того наградила Фэн Куня вытянутой физиономией, из-за чего за глаза его прозвали «клячей», обыгрывая его фамилию. Теперь же, когда он насупился, его лицо стало еще более угрюмым и желчным.

— Евнух Ван, — ледяным тоном произнес он. — Я прибыл сюда с устным повелением вдовствующей императрицы. Ее величество желает видеть государя и молодую императрицу во дворце Вечного Покоя к утренней трапезе.

Ван Юаньчэнь лишь слегка поклонился, не сдвинувшись ни на вершок.

— Повеление принято. Можете возвращаться, Евнух Фэн.

Видя, что соперник ни во что его не ставит, Фэн Кунь яростно крутанулся на каблуках, взмахнул широкими рукавами и, шумно отдуваясь, зашагал прочь.

Накануне появление Фу Исяня на торжественном пиру наделало немало шума. Несмотря на скромный чин младшего бакалавра-чтеца четвертого ранга, его персону притягивала взгляды. Семья Фу пользовалась безграничной милостью трона: его отец, престарелый Фу Юаньтай, носил титул великого генерала, а сам Исянь умудрился стать единственным чиновником в государстве, получившим назначение лично от императора в обход сложнейших экзаменов на ученую степень цзиньши. Придворные вовсю пытались разгадать тайну столь высокого покровительства, а потому при встрече рассыпались перед молодым бакалавром-чтецом в притворных любезностях.

Самому Фу Исяню эта суэта была глубоко противна. Привыкший к вольной, праздной жизни вдали от столицы, он терпеть не мог светского лицемерия. Наступая на горло собственной гордости, он чинно кланялся в ответ и поддерживал пустые разговоры, держась при этом столь благородно и независимо, что невольно вызывал восхищение истинным аристократизмом.

Когда начался пир, Фу Исянь занял положенное по чину скромное место в конце зала. Издалека он наблюдал за Чун И, облаченным в роскошное парчовое одеяние для новобрачных. Император так и сиял величием. На удивление, в груди у Исяня не шевельнулось ни горечи, ни обиды, лишь смутная тревога холодила сердце. Он осушил чарку и горько усмехнулся про себя.

«Пусть говорят, что смертным не дано ведать промысел небес, но собственное сердце не обманешь. Посторонний не заметит моего смятения, но сам-то я прекрасно знаю, откуда этот холод».

Из глубокой задумчивости его вывел бесцеремонный, тяжелый хлопок по плечу.

— Брат Юаньшань! Столько лун не виделись, а ты даже не соизволил поднести мне чарку?

Обернувшись на голос, Исянь узнал Гэн Яньхэ, младшего стольника Верховного суда. Тот происходил из Тунчэна и в тридцать пятом году девиза Лунчжэн блестяще сдал государственные экзамены, получив степень цзиньши первого класса. Сперва его сослали в глушь — управлять областью Сычжоу в Аньхое, но на третьем году правления Юйчэна вернули в столицу на необременительную должность бакалавра-чтеца в Кабинете министров. Там они с Исянем и сошлись, деля один кабинет на двоих, пока в прошлом году Гэн Яньхэ не пошел на повышение в судебное ведомство.

Гэн Яньхэ славился острым умом и легким нравом. Будучи на два года старше Фу Исяня, он быстро нашел с ним общий язык во время совместной службы. В пригороде Тяньцзина Яньхэ владел уютной усадьбой, где круглый год цвели редкие растения; там они частенько собирались, чтобы пропустить по чарке-другой да побеседовать об изящном.

В те недели, когда Исянь под предлогом хвори не являлся ко двору, Яньхэ несколько раз порывался навестить друга, но слуги неизменно разворачивали его у ворот. К тому же император Юйчэн терпеть не мог, когда столичные чиновники заводили тесную дружбу за пределами службы, так что Гэн Яньхэ решил не искушать судьбу. Зато сегодня, встретившись на пышном пиршестве и изрядно захмелев, он пребывал в превосходном расположении духа.

Они проболтали без умолку до самого часа Петуха, когда гости начали расходиться, но так и не успели высказать всего, что накопилось на душе. Крепко сжав ладонь Исяня, Гэн Яньхэ с жаром предложил:

— Юаньшань, у меня в саду как раз распустились персиковые деревья. Поехали ко мне, напьемся до беспамятства! По случаю великой свадьбы государя завтра в управах выходной, спешить некуда.

Исянь мягко улыбнулся:

— Брат Шисин, твои алые персики я изучил вдоль и поперек. А вот бывал ли ты в западном саду моей усадьбы? Там сейчас цветут дикие горные персики — зрелище редкое. К тому же до твоей загородной усадьбы путь неблизкий, в такой час мы и паланкина свободного не найдем.

Гэн Яньхэ раскатисто расхохотался:

— Раз уж младший брат Юаньшань оказывает мне такую честь, глупо было бы отказываться. Принимаю приглашение!

Вернувшись в генеральское поместье, они велели накрыть стол в глубине западного сада и подать нехитрую закуску. Разумеется, в ночной темени разглядеть нежные лепестки цветущих деревьев было невозможно, но им это и не требовалось. Окруженные ночным безмолвием, они увлеченно спорили о литературе и государственных делах. Исянь, обычно замкнутый, сегодня говорил на удивление охотно. Чаша шла за чашей, и лишь когда небосвод на востоке подернулся предраассветной синевой, навалилась усталость. Гэн Яньхэ поднялся, собираясь откланяться, но Исянь придержал его за рукав:

— Брат Шисин, прелесть нынешней ночи — в праздничном духе, в весеннем дыхании, в простом вине и скромной трапезе. Но пуще всего она дорога мне нашими искренними речами. Если мы разойдемся сейчас, когда еще судьба подарит нам такой час единения?

Гэн Яньхэ, тяжело упершись ладонями в край стола, осовелым взглядом окинул пустые кувшины и согласно кивнул:

— Твоя правда... Только сегодня я до конца понял, за какие добродетели наш владыка самолично выделил тебя из толпы. Что ж, раз уж сам Юаньшань просит меня остаться, глупо упрямиться. Побуду еще. — Он шумно вздохнул и помахал ладонью у лица, разгоняя винные пары. — Но пить я больше не в силах.

Исянь со смешком указал на пустые глиняные сосуды под столом:

— Даже если бы ты захотел, у меня больше ничего не осталось. Все запасы сегодня ради тебя извел.

Они уже собирались устроиться на ночлег в одной комнате, как вдруг в сад вихрем ворвался запыхавшийся слуга, а следом за ним — незнакомый юный евнух. Несмотря на пронизывающий утренний холод, лоб гостя лоснился от пота. Увидев хозяина дома, малый, не дожидаясь, пока его представят, протиснулся вперед и протянул костяную табличку.

— Бакалавр-чтец Фу! Я — Сяо Лу-цзы, верный слуга Евнуха Вана. Он умоляет вас немедленно явиться в боковой зал Резонирующей Гармонии!

Друзья недоуменно переглянулись. Исянь принял табличку и поднес к лицу — на ней действительно красовалось личное клеймо Ван Юаньчэня. Гэн Яньхэ, стоявший рядом, тоже сразу признал этот знак.

— Передал ли Евнух Ван, стряслось ли что? — спросил Исянь.

Сяо Лу-цзы испуганно мотнул головой:

— Нет, господин! Известно лишь, что на рассвете во дворец явился евнух Фэн из дворца Вечного Покоя и настойчиво требовал встречи с государем. Наш Евнух Ван сразу же послал меня за вами. Прошу вас, поспешите!

Фу Исянь похолодел от дурного предчувствия и резко обернулся к другу. Хмель с Гэн Яньхэ слетел окончательно, лицо его вытянулось от изумления.

Махнув рукой домашнему слуге, чтобы тот удалился, Исянь крепко схватил за локоть Яньхэ, который уже порывался деликатно уйти в тень. Повернувшись к запыхавшемуся евнуху, бакалавр строго спросил:

— Малый, ты понимаешь, какими вещами шутишь? Вчера была свадьба государя. По всем законам империи он должен проводить эту ночь во Дворце Молитвы Феникса, в покоях молодой супруги. С какой стати евнуху Фэню искать его величество в зале Резонирующей Гармонии?

Сяо Лу-цзы испугался, что ему не поверят, и, окончательно потеряв самообладание, торопливо

выложил все, что знал о ночных событиях.

От его сбивчивого рассказа у обоих чиновников волосы встали дыбом. Фу Исянь побледнел и в ярости прикрикнул на евнуха:

— Дерзкая ложь! Чтобы государь в брачную ночь покинул императрицу ради забав с... — Исянь в гневе ткнул пальцем в сторону Сяо Лу-цзы, — ради грязного увлечения безродным евнухом?! Какую смуту ты пытаешься посеять этими речами?!

Гэн Яньхэ поспешно шагнул вперед и удержал друга за плечо:

— Полно тебе, Юаньшань. Дело принимает слишком скверный оборот. Этот малец ни за что бы не посмел сочинять подобные небылицы, да еще прикрываясь личным знаком Ван Юаньчэня. Раз уж тебя призывают во дворец, медлить нельзя. Поезжай.

— Но Шисин! — с горечью воскликнул Исянь. — Это тайны августейшего семейства! Что могу сделать я, простой чиновник? К тому же, если Фэн Кунь из дворца Вечного Покоя уже сует туда свой нос, значит, вдовствующей императрице обо всем известно. Мое появление лишь усложнит дело.

Гэн Яньхэ осекся. Возразить было нечего. Действительно, лезть простому смертному в дела постели императора — верный способ лишиться головы. Но пока он растерянно молчал, Исянь уже зычным голосом приказал конюху седлать жеребца.

— Юаньшань? — встревоженно окликнул его Яньхэ.

Остановившись у калитки сада, Исянь обернулся и виновато улыбнулся другу:

— Шисин, прости, что испортил такую славную ночь. Наше застолье прервано столь бесцеремонно. — Он тяжело вздохнул. — Пусть я лишь мелкая сошка при дворе, но долг преданного слуги обязывает меня разделить тяготы государя. Раз уж верные люди императора просят о помощи, я не вправе прятаться за чужими спинами. Но умоляю тебя, брат, забудь обо всем, что здесь услышал. Честь царствующего дома не должна пострадать.

Не дожидаясь ответа, Исянь зашагал к конюшням, увлекая за собой испуганного евнуха.

Гэн Яньхэ долго смотрел ему вслед, поражаясь величию и стойкости своего друга.

— Поистине, Юаньшань — муж благороднейшей души, словно сошедший со страниц древних летописей, — прошептал он себе под нос. — И все же... С чего вдруг в столь щекотливый момент государь спешно призывает к себе именно его?

Тем временем Фу Исянь и его провожатый во весь опор неслись к Воротам Пейзажной Гармонии. Всю дорогу Сяо Лу-цзы, захлебываясь от волнения, нашептывал всаднику подробности о безродном Сыине — мол, тот держится заносчиво, купается в немыслимой роскоши и ни во что не ставит дворцовых слуг, выказывая почтение лишь самому государю да Ван Юаньчэню. Слуга смаковал рассказы о щедрых императорских дарах, живописуя их со всеми подробностями. Исянь хранил угрюмое молчание, лишь упрямо настегивая коня.

Спустя четверть часа они спешили у дворцовых ворот и быстрым шагом направились к залу Резонирующей Гармонии. У входа их с нетерпением поджидал Ван Юаньчэнь. Завидев стройную фигуру Исяня, старый евнух облегченно вздохнул и мысленно возблагодарил богов.

Когда они поравнялись, Юаньчэнь смущенно прошептал:

— Его величество еще не соизволил подняться с ложа.

Исянь сухо кивнул:

— Евнух Ван, оставим пустые церемонии. Кое-что мне уже поведал ваш малый, но в его словах больше домыслов, чем ясности. Прошу вас, расскажите без утайки, что здесь произошло на самом деле.

Ван Юаньчэнь смерил Сяо Лу-цзы испепеляющим взглядом, и тот поспешно испарился. Оставшись наедине с бакалавром-чтецом, управляющий тщательно взвесил каждое слово и поведал обо всем, что случилось минувшей ночью.

Выслушав его, Исянь в сердцах стиснул зубы и тихо, но яростно выговорил:

— Какое безрассудство! О чем только думает государь?!

Ван Юаньчэнь не решился поддакивать столь дерзким речам, но продолжить разговор они не успели. Из-за дверей зала Резонирующей Гармонии донесся сонный, но властный голос Чун И:

— Юаньчэнь, что там за шум на крыльце? Войди и доложи.

Управляющий поспешно отворил тяжелые створки и шагнул в полумрак покоев. На ходу его осенила мысль: если с порога огорошить повелителя известием о визите Фэн Куня и воле матери, гнева не миновать. Куда разумнее будет сначала упомянуть о прибытии Исяня.

— Ваше величество, — склонился в глубоком поклоне евнух. — Это бакалавр-чтец Фу прибыл во дворец и сейчас беседует со мной у входа.

Чун И мгновенно сбросил дремоту и рывком сел на постели. В его голосе прозвучало явное замешательство:

— Сяошань?.. Что привело его сюда в столь ранний час?

<http://bllate.org/book/19874/2040088>